

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ КОНФЕРЕНЦИИ
ПО ГУМАНИТАРНЫМ И
ЕСТЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
СТУДЕНЧЕСКОГО НАУЧНОГО
ОБЩЕСТВА

Русская литература

ТАРТУ 1986

О СИМВОЛИКЕ ДРАМЫ БЛОКА "НЕЗНАКОМКА"

М. Безродный

В дочеховской драматургии предметное окружение героя стремится взять на себя характерологическую нагрузку, каждый эпизод ищет свой *raison d'être* в общем сюжетном развитии. В пьесах Чехова принцип отбора событий и деталей подчинен иному способу видения мира и предстает как "случайный". В драме "Незнакомка" многие реалии и сцены выглядят

по-чеховски "неотобранными", но их телеологичность другого рода. Сравним эпизоды "чтения вслух" у Чехова и у Блока. Реплика Чебутыкина, читающего газету: "Цицикар. Здесь свирепствует оспа" ("Три сестры") не несет сюжетной информации, а передает "вялость общей атмосферы" (Скафтымов А.П. Статьи о русской литературе. Саратов, 1958, с. 324). Как будто с той же целью, для воспроизведения общей пошлости и скуки жизни, Блок вводит сцену чтения журнальной "шутки" о Катеньке, которой "женишка пора подарить". Однако эта сцена активно "работает" на сюжет — подготавливая (в иронически-"сниженном" плане) мистериальную тему поиска земного Жениха небесной Невестой. То же справедливо и для реалий, конкретность и обилие которых наводили на мысль о "бесспорных возможностях" Блока "в области реалистического художественного творчества" (Орлов В.Н. Ал. Блок. М., 1956, с. 88). Между тем их подбор и способ подачи далеки от принципов реализма (сюжет, характер, *couleur locale et temporele*) и импрессионизма ("общая атмосфера"). Так, детали бытового антуража 1-го и 3-го актов, как неоднократно отмечалось исследователями драмы, четко разведены по "социальным" полюсам. Однако в их параллелизме скрыта аналогия. Нагнетение совпадающих деталей, реплик, событий и т.п., настойчивая демонстрация зеркального подобия "миров" кабачка и гостинной "размагничивает" полюса и вытесняет социальную, "онтологическую" антитезу "метафизической": *re alibus*, мир материальный, загроможденный реалиями, — *re alio ga*, мир, преображенный астральным явлением (2-й акт). Важно, однако, не то, что реалии и пр. дублируются, делаясь однофункциональными, а то, что именно в них повторяется и обеспечивает их подбор.

Такой ракурс позволяет заметить, что предметный антураж "Незнакомки" монтируется почти исключительно из вещей кругообразных ж что мотив "круга", "кружения" и "круговращения" (ср. совпадающую с нашей в ряде наблюдений, но не выводов, работу М. Гал-Бароти в: *Studia slavica*, 1983, т. 29, № 1/4) пронизывает реплики персонажей (Верлена - трактирного "Ек-кlesiаста", Семинариста — с его мечтой о пляске под шарман-ку, Поэта, грезящего о "вечном возвращении" и кружении с "Нею", Человека в пальто: "Люблю острый сыр, знаете, такой

круглый!"), их движения ("Делает кругообразные жесты"; И опять <...> посетитель шарит в посудине <...> И опять хозяин отгоняет его"), пространственные описания ("<...> начинают кружиться стены <...> Всевертится"; "Закрутился <...> снежный столб"). Нагнетаются тактильные образы с "замыкающей", "охватывающей", "обволакивающей" семантикой: "рука, стянутая перчаткой", "обнимаются", "объемлет шар земной", "одевает ее плечи, опускает стан", "хочешь меня обнять?", "можешь обнять меня?", "и закутались же вы", "завернута в одну тряпку", "незаметно застегнуть платье". "Круглое" как законченное, самодостаточное, самодовольное, статичное, профанное и т.п. наглядно воплощено в образе Господина в котелке, уводящего Незнакомку, и "дружеского кружка", в который хочет принять экстравагантную гостью хозяйка гостиной. В последней ситуации легко угадывается мотив "беззаконной кометы в кругу расчисленном светил".

Характерное для лирики первого тома уподобление героини звезде неподвижной (вар.: совершающей "упорядоченное" движение) сменилось у Блока образом звезды падучей (= падшая женщина, демоническая "этуаль" и т.п.), или кометы (см.: Минц 3.Г. Лирика Ал. Блока. Тарту, 1969. Вып. 2, с. 44). В литературе XIX в. канонизировались два типа "взаимоотношений" кометы с иными небесными телами: (1) комета вовлекает их в свое неправильное, дикое, мятежное кружение, "поглощает" их ("В выси миры летят стремглав к мирам..." Ф. Глинки; ср. также типичный для "неистойой" метафоричности образ кометы как страстной возлюбленной земного героя в романе Гюго "Человек, который смеется", кн. 7, гл. 3) или (2) комета мелькает в их стройном хороводе, сея "смущенье" ("Портрет" Пушкина, "Комета" Бенедиктова, "Комета" Ап. Григорьева, "Во всей красе, на утре лет..." Случевского). В лирике Блока, начиная примерно с 1904 г., реализуется главным образом вариант (1), в драме "Незнакомка" — (2): героиня - воплощение хаоса, стихийности и страсти — попадает в мир стагнации и тавтологии; этот мир пытается ее "ассимилировать", вовлечь в свои мертвые орбиты; она вырывается из замкнутого круга и возвращается в свое лоно.

Интересно, что антитеза "мечтатели — пошляки" теряет при

этом свою универсальность и оказывается столь же фиктивной и ненадежной, как "реалистическое" противопоставление кабачка гостинной (хотя и не растворяется, подобно ему, "без остатка"). Господин в котелке, Звездочет и Поэт равно прагматичны в своих устремлениях. Так, все они интересуются именем Незнакомки: Господин в котелке — чтоб было, что ей "ночью шептать", Звездочет — чтоб внести новый астроним в свои "желтые свитки" (снова символика "круглого"), Поэт — чтоб рифмовать: "Где ты, Мария? Не вижу зари я"; их единит утилитаризм — "бытовой", "научный", "эстетический". Таким образом, единственно значимой становится оппозиция: "живой" и пленительный, неподвластный законам и расчетам (ср. мотив "счета звезд" — в драме и лирике этого времени) хаос — "мертвый", замкнутый в себе и на себя космос, "кольцо существованья" мечтателей и пошляков.

В "Снежной маске", реализующей вариант (1) (и заимствующей у варианта (2) тему "недоволенности" кометы), идеи и мотивы "Незнакомки" развиваются в противоположном направлении: земной космос побежден стихией; метельным (кометным) кружением героиня увлекает героя в свой мир. Тема торжества хаоса и страсти отражается в стиховой и композиционной "раскованности", "неупорядоченности" фактуры (метрика, ритмика, рифма, строфика и т.д.), что резко отличает этот текст от "Незнакомки" с ее симметричной архитектурой (так, например, первый и последний акты драмы содержат одинаковое число реплик; ср. предложенную Дж. Боултом (*Texas studies in lit. a. ling.* 1975. Vol. 17) сегментацию текста одноименной баллады: первые 6 строф (мир "здесь") и последние 6 (мир "там") имеют поровну слов — по 100; их разделяет одна строфа с образом "окна").

Символика "круга" как доминанта, или, так сказать, транс-уровневый принцип организации, текста определяет и особый способ его восприятия: чтение становится анациклическим и как бы "бесконечным" (ср. отмеченное З.Г. Минц усиление признаков "линейности" в сюжете "Снежной маски"). Своеобразным поэтому оказывается и место, на которое претендует драма в ретро- и проспективной традиции произведений, варьирующих вечную тему томления по идеалу: описанное событие про-

изошло "здесь и теперь" (отсюда богатый *couleur locale et temporelle*), но оно также случалось всегда и будет повторяться впредь, непрерывно.

Дата публикации на "Рутении": 29.05.2012